

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
УНИВЕРСИТЕТ
КЛАССНЫХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Взаимоотношения

А. Ершова

Живой интерес и сочувствие
125 – 127

Подготовила **М. Ганькина**

Джон Гатто: как я стал учителем
128 – 131

События

О. Корнео

Костюм сказочника
132 – 135

Проблемы

В. Гусева

Никого не бойся
136 – 138

С. Дьячкова

Стратегии поведения жертвы
агрессии
139 – 142

Взаимоотношения

ЖИВОЙ ИНТЕРЕС
И СОЧУВСТВИЕ

Размышления о классном руководстве

А. ЕРШОВА

Коллектив надо создавать, во-первых, на своём уроке. А во-вторых, протягивать создание коллектива со своих уроков на все внеклассные мероприятия. И если классный руководитель встал на эту позицию, то все праздники, родительские собрания, классные часы, экскурсии — всё у него преобразуется и начинает определяться не желанием поскорее отделаться, а живым интересом и сочувствием к ученикам, которые тоже замучены обязателькой.

Недавно я общалась с театральным педагогом Татьяной Михайловной. Она сейчас ведёт уроки театра в пятых классах. И она впрямую столкнулась с ужасом безжалостного отношения учителей к детям.

Например, классная руководительница её спрашивает: «А сколько детей ходят в ваш театральный кружок? Она отвечает: «Двенадцать». Та смотрит список и говорит: «Нет, одиннадцать». «Да нет, двенадцать». Классная руководительница презрительно тычет пальцем в фамилию и говорит: «Это — не человек». Имелось в виду, что ребёнок, на которого она указала, в её глазах не человек, а подонок, мерзавец и так далее. И это было сказано о мальчишке пятого класса!

А потом выяснилось, что ребёнка, которого его классный руководитель считает «недочеловеком», уже готовы вытолкать из школы, перевести куда угодно.

К сожалению, жизненный опыт показывает, что такое отношение учителей к детям — довольно распространённое явление.

Мне кажется, что уже в начальной школе детей отучают учиться, любить знания, понимать скромную силу своих усилий и не обольщаться. Отбивают охоту заниматься у самых, может быть, продуктивных и талантливых детей. Наиболее талантливые люди, попадающие в школу, с отчаянием её перетерпывают. Самая страшная беда начальной школы — это приучение детей к терпению, пока неуменная, необразованная, негорячая, недобрая, вся насквозь официальная тётенька проходит с ними положенную программу.

А потом этих несчастных детей переводят в среднюю школу. Они попадают в пятый класс. И тут начинается... Собственно, единственный, кто может их спасти или как-то помочь им, — это классный руководитель. Не валить всё, как это принято, на начальную школу, не сетовать на то, что их там ничему хорошему не научили. А шевелить, двигать, подвигать вот этих мальчиков и девочек на добрые, умные, основательные дела.

Я придерживаюсь градации человеческих потребностей, созданной П.М. Ершовым и П.В. Симоновым. И считаю, что для школы самое важное — это обеспечивать реализацию следующих потребностей детей:

- а) биологическую потребность;
- б) потребность в вооружённости;
- в) социальную потребность;
- г) идеальную потребность.

Биологическую потребность как самую простую, надо всегда иметь в виду, потому что она и так сильно действует в ребёнке. Но она может реализовываться внутри потребности в вооружённости — через умение прыгать, бегать, лепить, выступать, читать, петь.

Точно так же требует правильной направленности и социальная потребность ребёнка — «я среди других», «мы вместе», которую можно реализовать только через создание коллектива в средней школе.

А идеальная (познавательная) потребность развивается только через внимание к самому процессу познания и через пестование в ребёнке бескорыстного интереса к познанию, то есть не за оценку.

Если с пятиклассников снять дефекты начальной школы, если дети перестанут чувствовать, что их не любят, гонят, терпят, лишают искреннего интереса к знанию, то к седьмому классу самые опасные, самые тревожные ребятки могут встать на ноги. В 8, 9 классе ученики взрослеют. И там уже другие бури начинаются. Но в 5–7 классе познавательная и альтруистическая направленность, тяга к познанию, которая обеспечивает счастье, ещё жива в ребёнке.

Получается, что на классного руководителя в средней школе ложатся очень серьёзные проблемы. Перед ним открывается важнейший фронт работ, на котором его никто не может заменить. Потому что если он спасёт от отвращения к школе пяти-, шестиклассников, то они, дойдя до одиннадцатого класса, может быть, окажутся в той части поколения, у которой есть хорошие жизненные перспективы.

При этом классный руководитель — сам предметник, на него давят роль и обязанности конкретного учителя. А с другой стороны насаждает администрация со своими требованиями — провести классный час на определённую тему, какое-то формальное мероприятие. Как ему в этой обстановке заниматься воспитательной работой?

А ведь для классного руководителя воспитательная работа должна быть очень важной. Это его профессиональная обязанность. Поняв это, он и на свой урок посмотрит как на место, где он продолжает воспитывать. Тогда он, может быть, обратится и к *социоигровым технологиям* (о них читайте в журнале «Педагогическая техника». — *Прим. ред.*).

Одна из самых важных задач классного руководителя — это создать из своего класса коллектив. Решая эту задачу, он, по сути, и занимается воспитательной работой.

Коллектив надо создавать, во-первых, на своём уроке. А во-вторых, протягивать создание коллектива со своих уроков на все внеклассные мероприятия. И мне кажется, если классный руководитель встал на позицию социоигровой технологии, то все праздники, спектакли, родительские собрания, классные часы, экскурсии — всё у него преобразуется и начинает определяться не желанием поскорее отделаться, а живым интересом и сочувствием к ученикам, которые тоже замучены обязательной работой.

Но с каким трудом учителя на всё это идут! Такое впечатление, что педагогический вуз отбивает у людей всякое представление о живом ребёнке. Мне всегда казалось, что когда у учительницы рождаются собственные дети, то её представление об учениках как о механизмах должно как-то измениться. Ну, жалко ей хотя бы будет их всех...

У меня, например, когда я работала учителем, было такое чувство. Пока мои собственные дети росли, я каждый раз, глядя на учеников, представляла раннее утро, когда пихаешь в ребёнка кашу, надеваешь на него ботинки, гонишь его в школу. Весь этот ежедневный ужас...

Я приходила в класс и представляла, какие они все ещё тёпленькие, недоспавшие в своих кроватках, недоевшие, недоумывшиеся. От этого и жалость, и сочувствие к детям появлялись. Почти сразу возникало понимание, что не полуфабрикат передо мной сидит, в который надо учебную программу впихивать, а живой, чувствующий ребёнок. И его важно потихоньку заинтересовывать, вовлекать.

На самом деле поворот учителя к жалости к ребёнку — это проблема ужасно сложная. И тут я не знаю, кто имеет готовое решение...

